

Янчевская Анжелика

**ПОПАДАНКА
В БЕРЕМЕННУЮ.
БЫВШАЯ ЖЕНА
ДРАКОНА**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Я66

Янчевская А.
Я66 Попаданка в беременную. Бывшая жена дракона / Янчевская Анжелика – М.: Литнет, 2025. – 152 с.

ISBN 978-5-521-94720-1

Я умерла в своём мире одинокой женщиной за шестьдесят, так и не познав материнства. А очнулась в теле юной леди Оливии Райвен— и тут же услышала приговор: «Пустоцвет. Развод. Ссылка». Муж-дракон изгнал меня в заброшенное поместье на краю света, считая бесплодной. Он не знал, что я уже ношу под сердцем его наследника.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94720-1

© Литнет, 2025
© А. Янчевская, 2025

– Пустоцвет.

Слово, холодное и острое, как осколок льда, вонзилось в мучительный, вязкий туман, что клубился в моей голове. Оно не просто прозвучало – оно просверлило себе путь сквозь гудящую боль, выдергивая меня из липкой, обволакивающей темноты, в которой было так обманчиво спокойно.

– Год, Оливия. Я дал тебе год.

Голос. Глубокий, рокошущий, с бархатными, но стальными нотками. От такого голоса, будь я на сорок лет моложе, по коже побежали бы мурашки совсем иного толка. Но сейчас он был лишь источником боли, молотом, бьющим по наковальне моего сознания. Голос, привыкший не просить, а повелевать.

– Целый год, чтобы ты исполнила свой единственный долг.

С невероятным усилием, словно поднимая могильные плиты, я разлепила веки. Ресницы склеились, во рту стоял отвратительный горько-кислый вкус, а голова раскалывалась так, будто в ней всю ночь гуляла бригада строителей с отбойными молотками.

Комната тонула в сером предрассветном сумраке. Высокие стрельчатые окна, занавешенные тяжелым бархатом, пропускали лишь скудные полосы света. Все плыло и качалось, как палуба корабля в шторм. Все, кроме одной фигуры. Силуэт мужчины у дальнего окна был до ужаса, до невозможности четким.

Высокий, широкоплечий, словно высеченный из темного мрамора и сгустившегося гнева. Длинные, иссиня-черные волосы, чуть тронутые серебром на висках, были небрежно перехвачены на затылке простой кожаной тесьмой. Он стоял спиной ко мне, глядя на что-то за окном, и сама его поза излучала напряжение и холодную ярость.

Даже со спины он был красив. Красив хищной, беспощадной мужской красотой, от которой у девчонок замирает сердце и подгибаются колени. Эх, была бы я помоложе ... Мысли путались, цеплялись одна за другую. Какой еще мужик? Я ведь... на дачу ехала. В стареньком ПАЗике. С рассадой помидоров...

– Я... – я попыталась подать голос, но из пересохшего, ободранного горла вырвался лишь сиплый, едва слышный хрип. Тело ощущалось чужим, ватым и совершенно беспомощным. Словно не мое. Я едва сумела пошевелить пальцами на тяжелом, прохладном шелке простыни.

– Молчи, – отрезал он, даже не удостоив меня поворотом головы. Его голос ударил, как хлыст. – Я уже все решил. Ты не смогла подарить моему роду наследника. А жена-пустоцвет мне не нужна.

Пустоцвет... Снова это слово. Так называли в деревне яблони, что пышно цвели каждую весну, но никогда не давали плодов. Красивые, бесполезные деревья. Мой первый муж, Колька, слесарь с вечно пьяными глазами, бросил мне в лицо такое же слово тридцать лет назад, когда врачи вынесли вердикт. А теперь... откуда оно здесь? В этом странном, до жути реалистичном сне?

– Согласно закону Драконьего Рода, я развожусь с тобой. Наш союз расторгнут с этого дня.

Развод? Какое официальное, чужое слово. Я ведь одинокая женщина, ехала на дачу. Помню визг тормозов, удар, крики... Стекло, летящее в лицо...

Мужчина наконец медленно повернулся. И я утонула. Просто пошла ко дну в его глазах. Тёмных, как осенняя ночь, почти черных, в непроглядной глубине которых плясали крохотные золотые искры. Искры ярости, застарелой боли и горького разочарования. Он молод, выглядит лет на тридцать, но во взгляде читается вселенская усталость.

– Ты думала, я буду терпеть это вечно? – он начал медленно приближаться к огромной кровати, на которой я лежала. Каждый его шаг, мягкий и выверенный, отдавался гулким ударом в моей голове. Шаг хищника, загоняющего раненую добычу. – Думала, моя доброта и терпение безграничны? Я дал тебе все, что мог: имя, которое здесь уважают, статус леди Райвен, богатство, о котором ты и не мечтала. А взамен ждал лишь одно. Всего одно. И ты не справилась.

Он остановился у самого изножья кровати, возвышаясь над мной, как судья над преступником. Я смотрела на него снизу вверх, чувствуя себя крохотной, слабой, раздавленной. Кто он? Почему он так зол? И почему от его вида что-то внутри сжимается не только от страха, но и от странной, болезненной, почти щенячьей тоски?

– Наследника мне родит другая, – констатировал он безжалостно, и эта фраза прозвучала как приговор.

Конечно, родит. Мужики, что в моем мире, что, видимо, в этом сне, все одинаковые. Не работает старый станок – выкинуть, купить новый. Практично.

– Ты разочаровала меня, Оливия, – его голос стал тише, но от этого еще более жестоким. – Разочаровала как женщина и как леди рода Райвен.

Он сделал паузу, давая словам впитаться, пропитать собой воздух, отравить его окончательно. Я молчала, пытаюсь удержать ускользающее сознание. Оливия... Значит, эту девочку, из моего сна, зовут Оливия.

– Я не оставлю тебя нищей, – продолжил он с тем же ледяным, отстраненным спокойствием. – Я не из тех, кто выбросит свою... бывшую жену на улицу. Я слишком чту имя своего рода. Я выделил тебе небольшой, но приличный дом в столице и достаточное содержание. Можешь жить там до конца своих дней. Не зная забот.

Дом в столице... Содержание... Мой практичный, дачный уют тут же включился, оттесняя боль. Дом с участком? Хоть сотки три? Дрова или уголь? А «содержание» – это сколько в месяц? На семью хватит? На навоз?

Он развернулся, чтобы уйти. Шаг, второй по каменному полу. Его спина была прямой и негибкой. Кажется, все кончено. Кажется, я снова могу провалиться в эту спасительную, безболезненную темноту.

– Собирай свои вещи, – бросил он через плечо, не оборачиваясь, уже у самой двери. – Завтра на рассвете карета отвезет тебя в столицу. Ты покинешь этот замок. Навсегда.

Дверь захлопнулась. Тяжелый дубовый массив с коваными петлями. Грохот от удара всколыхнул тишину, эхом отозвался в каждом уголке огромной, холодной комнаты и в моей раскалывающейся голове.

Я осталась одна. Одна в оглушительной тишине, пытаюсь собрать воедино осколки чужих воспоминаний о каком-то лорде Райвене и своих собственных, о ПАЗике и рассаде. Голова закружилась с новой силой, комната поплыла. Я попыталась приподняться на локтях, но руки подломились, и я бессильно рухнула обратно на мягкие, но холодные подушки.

Беспомощный взгляд скользнул по комнате, зацепившись за изящный туалетный столик из темного, почти черного дерева. На его идеально отполированной поверхности, рядом с серебряной шкатулкой для драгоценностей и щеткой с костяной ручкой, стоял маленький, почти незаметный пузырек из темного стекла. Пустой.

И в этот момент из самых глубин чужой памяти, как ил со дна болота, всплыл яркий, страшный образ: тонкие, дрожащие девичьи пальцы с трудом откупоривают тугую пробку... горькая, обжигающая жидкость льется в горло... А следом – волна отчаяния, такого густого, черного и всепоглощающего, что от него можно было задохнуться.

Яд.

Господи. Девочка отравилась. Бедная, глупая девочка. Из-за мужика... Да разве ж они стоят того, чтобы из-за них жизнь свою губить? Козлы они все, что лорды, что слесари. Бросил, как только узнал, что бесплодна. Все они одинаковые, на одном станке деланные.

В глубинах моего сознания, затуманенного то ли жаром от яда, то ли бредом после аварии, смешались две реальности, две боли, две трагедии. Мое собственное одиночество, мой давний приговор – «пустоцвет», – и этот яркий, жуткий, невыносимо реалистичный сон о девушке по имени Оливия. Ее отчаяние отзывалось во мне глухой, знакомой, застарелой болью.

Внезапно дверь тихо скрипнула, и в комнату, семеня, вошла молоденькая девушка в простом сером платье и белом чепце. Служанка. Она несла небольшой поднос с кувшином воды и чашкой. Увидев, что я не сплю, она испуганно вздрогнула, но потом подошла ближе. Ее взгляд метнулся к туалетному столику, и она замерла. Проследила за моим мутным взглядом и увидела то, что увидела я. Пузырек.

Она подскочила к столику, схватила его дрожащими руками.

– Миледи... – прошептала она, и ее круглые глаза расширились от ужаса. Она поднесла пузырек к носу, принялась и побледнела как полотно. – О, Великие Духи... Что вы наделали?.. Я... я позову господина! Лорд должен знать!

Она, спотыкаясь, выбежала из комнаты. А я осталась лежать, глядя в высокий, украшенный лепниной потолок. Сон становился все более навязчивым, детали – все более четкими.

Снаружи, в коридоре, послышались торопливые, тяжелые шаги. Они приближались. Быстро.

И в этот самый момент, меня накрыло ледяной волной осознания, от которого волосы на затылке встали дыбом.

Это не сон.

Это не бред после аварии.

Это все по-настоящему.

И тот разъяренный, но, собака такая, красивый мужик, сейчас вернется. И он будет очень, очень зол.

Тяжелый дубовый засов с той стороны двери с глухим, чугунным стуком упал в свои пазы. Дверь со скрипом, от которого заломило зубы и свело скулы, распахнулась настежь. На пороге стоял он.

Если мгновение назад я еще могла цепляться за абсурдную мысль о сне, то теперь эта надежда испарилась, как роса под палящим

солнцем. В комнату вместе с ним ворвалась не просто злость – в ней ощущалось почти физическое давление, жар, от которого воздух загустел и задрожал.

Сейчас в его глазах не было того ледяного, отстраненного презрения. В их чернильной глубине бушевало настоящее пламя. Золотые искры, что я видела раньше, превратились в ревущий, неукротимый пожар. Он шагнул через порог, и мне показалось, что температура в просторной спальне подскочила на десяток градусов. Служанка, залетевшая следом, замерла, и вжалась в стену.

– Ты решила бросить тень на мое имя? – его голос был тихим, почти шипящим, и от этого становился еще страшнее. В нем не было крика, лишь сдавленная, клокочущая ярость. Он даже не смотрел на меня. Его взгляд, раскаленный добела, был прикован к пустому пузырьку, который все еще сжимала в побелевших пальцах перепуганная девушка. – Решила устроить это жалкое представление? Умереть в моем доме, чтобы все королевство шепталось о том, что лорд Дарек Райвен, довел свою молодую жену до могилы?

От его взгляда, даже направленного на служанку, хотелось сжаться в комок, стать меньше пылинки на ковре, просочиться сквозь щели в полу. Он медленно перевел взгляд на меня, и я почувствовала себя пригвожденной к постели.

– По закону, – процедил он сквозь плотно сжатые зубы, и в его голосе прорезался отчетливый металлический лязг, – в случае твоей смерти я, как безутешный вдовец, должен был бы соблюдать траур. Три года! Три проклятых года, Оливия! Ты решила отнять у меня три года, чтобы отомстить за свою никчемность? Три года, пока другие лорды женятся и рожают наследников, я должен был бы носить черное и изображать скорбь по женщине, которая не смогла выполнить свой единственный долг!

Я молчала, не в силах вымолвить ни слова, да и что я могла сказать? В голове царил полнейший хаос. Какой траур? Какие три года? Я просто пыталась понять, где я, черт возьми, нахожусь, а этот

великолепный, но абсолютно безумный мужчина обвинял меня в каком-то заговоре. Мой мозг, привыкший к схемам посадки огурцов и графикам полива, отказывался обрабатывать эту информацию.

– Так вот, леди Оливия, – он сделал еще один шаг ко мне, и служанка испуганно пискнула и отскочила в сторону, выронив несчастный пузырек. Тонкое стекло со звоном разлетелось на мелкие осколки по каменному полу. «Хорошо, что пол каменный, – мелькнула идиотская мысль, – был бы ламинат, пришлось бы еще за царапины платить». – Ты будешь жить. Я заставлю тебя жить. Ты будешь жить долго и, смею надеяться, мучительно, проклиная тот день, когда решила сыграть со мной в свои жалкие, бабские игры.

Он резко развернулся к застывшей изваянием у стены служанке. Его приказ прозвучал как удар кнута:

– Лекаря! Живо! Найди магистра Элиаса, где бы он ни был! И чтобы через час она была на ногах!

С этими словами он круто развернулся и вышел, хлопнув дверью с такой силой, что с потолка посыпалась известковая крошка.

Я не помню отчетливо, как появился лекарь – пожилой, сухой мужчина с цепкими пальцами и пронзительным взглядом. Сознание то уплывало в вязкую, спасительную темноту, то возвращалось, выхватывая отдельные картины. Помню, как меня заставляли пить какие-то невероятно горькие отвары, от которых все внутри горело. Как прохладные, уверенные руки ощупывали мой пульс, давили на живот, заставляя тело извергать остатки яда. В один из моментов просветления я увидела склонившееся надо мной заплаканное лицо той самой служанки.

– Ох, миледи, ну как же вы так, – шептала она, утирая мне лоб влажной, прохладной тканью. – Разгневали лорда. Он же... он же дракон, миледи. Им нельзя перечить. Их ярость страшна. Когда они в гневе, они сжигают дотла все, что им дорого.

Дракон? Я несколько раз моргнула, пытаясь сфокусировать на ней взгляд. Ну да, во сне, а это все еще казалось дурным сном, все воз-

можно. И не такие чудеса привидятся, когда автобус с тобой внутри сминается, как пустая консервная банка. Господи, что за мир, откуда драконы? Такого даже в сказках не читала, змей Горыныча читала, о трех головах, а чтобы мужик красивый, а по факту ящер злобный, никогда не слышала.

– Он ведь теперь милости своей вас лишит, – продолжала сокрушаться служанка. – Дом в столице, содержание... Все прахом пошло. Говорит, раз вы так хотели умереть, он предоставит вам эту возможность. Только медленно. И не под его родовым именем.

К вечеру силы начали понемногу возвращаться. Голова все еще кружилась, но туман постепенно рассеивался. И вместе с ним приходило осознание всего ужаса моего положения. Это не сон. Это другая, чужая реальность. И я заперта в чужом, благо молодом теле, во власти разъяренного мужика, который, к тому же, еще и дракон.

Он вернулся, когда за окном уже сгустились лиловые сумерки. Вошел без стука, тихо, как тень. На этот раз он был пугающе спокоен. И эта звенящая, холодная тишина была хуже любого крика.

– Лекарь сказал, что твоей жизни ничего не угрожает, – произнес он, останавливаясь посреди комнаты. Пламя в его глазах погасло, оставив после себя лишь выжженную черную пустоту. Он смотрел на меня долго, изучающе, словно пытался заглянуть в самую душу. Я съежилась под этим взглядом, инстинктивно натягивая шелковое одеяло до самого подбородка.

– Раз ты так жаждешь забвения, я тебе его предоставлю, – наконец сказал он ровным, безжизненным голосом. – Я отменяю свое предыдущее решение о доме в столице и содержании. Ты получишь то, чего, очевидно, заслуживаешь. Дальнее, заброшенное имение на северной границе. Местные называют его «Вдовьи слезы», потому что оно стоит на границе у самого Гиблого леса. Там и проживешь свой век. Может, холодный северный ветер остудит твой пыл и научит ценить жизнь, которую я тебе сегодня великодушно сохранил.

Он подошел к прикроватному столику и бросил на него тугой